

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 3, pp. 576–594, 2025
 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-576-594

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 39

Народные песни донских калмыков в записи от С. И. Манжикова

*Эльза Петровна Бакаева*¹

UDC 39

**The Folk Songs of Don Kalmyks
 Recorded from S. I. Manzhikov**

*Elza P. Bakaeva*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5188-1202. E-mail: [ebakaeva\[at\]yandex.ru](mailto:ebakaeva[at]yandex.ru)

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

© КалмНЦ РАН, 2025

© Бакаева Э. П., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Bakaeva E. P., 2025

Аннотация. В архиве Калмыцкого научного центра РАН хранится рукопись «Калмыцкие народные песни», включающая тексты, которые записаны востоковедом Церен-Дорджи Номинхановым в период с 1927 г. по 1962 г. среди разных этнических групп. *Цель* статьи — дать общую характеристику народным песням, записанным ученым у донского калмыка Санжи Ивановича Манжикова в 1962 г. Статья является продолжением исследования, в ходе которого в других статьях автором были рассмотрены записи песен калмыков донской станицы Граббевской и большедербетовских калмыков, датированные 1927 г., и песни ойратов-торгутов, записанные в 1935 г. *Результаты.* Песни из репертуара С. И. Манжикова позволяют судить об особенностях песенной традиции донских калмыков, сохранившихся до начала 1960-х гг., отражают разнообразие этого жанра у них и свидетельствуют о связи истории и устного народного творчества этой этнической группы. Они соответствуют предворяющему рукописный сборник Ц.-Д. Номинханова эпиграфу, в котором сосредоточена мысль о том, что песня — это история народа. Донские калмыки были знакомы с историческими песнями калмыков из основной этнической группы, в них прослеживается знание этнических подразделений, внимание к теме «свой» — «чужой». Зафиксировано проявление так называемого «сжатия» времени в фольклорной традиции, а также такой особенности, когда своей традицией считается то, что заимствовано у основной этнической группы. Особенностью песен донских калмыков является наличие большого числа песен на военную тему, в которых прославляются участники походов, защищавшие страну от врагов. Это связано с воинской обязанностью донских калмыков-казаков. Благодаря собирателю записаны песни, сложенные в период русско-турецкой войны и датированные 1877 г. В репертуаре С. И. Манжикова немало песен религиозной тематики, что свидетельствует о глубине религиозной традиции среди донских калмыков и ее

особой значимости в связи с их военной службой и рисками, связанными с ней. Лирические песни имели широкое распространение среди донских калмыков, как и среди других этнических групп. Они имеют схожую структуру, основаны на приеме параллелизма, их большая часть посвящена матери, старшим родственникам либо девушке, выходящей замуж.

Ключевые слова: Церен-Дорджи Номинханов, фольклорные материалы, калмыки, С. И. Манжиков, Научный архив Калмыцкого научного центра РАН

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Архив востоковеда Ц.-Д. Номинханова: каталогизация, исследование (к 125-летию со дня рождения)» (№ 24-28-01746, <https://rscf.ru/project/24-28-01746/>).

Для цитирования: Бакаева Э. П. Народные песни донских калмыков в записи от С. И. Манжикова // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 3. С. 576–594. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-576-594

Abstract. Intriduction. The archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS contains the manuscript “Kalmyk Folk Songs”, which includes texts recorded by the orientalist Tseren-Dordzhi Nominkhanov in the period from 1927 to 1962 among different ethnic groups. The *purpose* of the article is to give a general description of folk songs recorded by the scientist from the Don Kalmyk Sanzhi Ivanovich Manzhikov in 1962. The article is a continuation of the study, in three other articles the author examines recordings of songs of the Kalmyks of the Don *stanitsa* Grabbevskaya and Kalmyks of Bolshederbetovskiy ulus, dated from 1927, and the songs of the Xinjiang Torguts dated from 1935. *Results.* The songs from S. I. Manzhikov’s repertoire allow us to judge the peculiarities of the song tradition of the Don Kalmyks, which survived until the early 1960s, reflect the diversity of this genre among them and testify to the connection between the history and oral folk art of this ethnic group. They correspond to the epigraph that precedes the handwritten collection by Ts.-D. Nominkhanov, the meaning of which is that the song is the history of the people. The Don Kalmyks were familiar with the historical songs of the Kalmyks from the main ethnic group, they show knowledge of ethnic divisions, attention to the theme of “friend” – “alien”. The manifestation of the so-called “compression” of time in the folklore tradition is recorded, and attribution to their tradition of what they borrowed from the main ethnic group. A special feature of the songs of the Don Kalmyks is a large number of songs on a military theme, glorifying the participants of the campaigns defending the country from enemies. This is due to the duty of the Don Kalmyks Cossacks in military service. Thanks to the collector, songs composed during the Russian-Turkish war and dated 1877 were recorded. S. I. Manzhikov has a lot of religious-themed songs in his repertoire, which testifies to the depth of the religious tradition among the Don Kalmyks and its special significance in connection with the songs of military service and the constant risks associated with it. Lyrical songs were widely distributed among the Don Kalmyks, as among other ethnic groups, they have a similar structure, are based on the use of parallelism, and most of them are dedicated to the mother, older relatives, or a girl getting married.

Keywords: Tseren-Dordzhi Nominkhanov, folklore materials, Kalmyks, S. I. Manzhikov, Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Acknowledgments. The research was carried out at the expense of a grant of the Russian Science Foundation, project no. 24-28-01746 “Archive of orientalist Ts.-D. Nominkhanov: cataloguing, research (for the 125th anniversary of the scientist)” (<https://rscf.ru/en/project/24-28-01746/>).

For citation: Bakayeva E. P. The Folk Songs of Don Kalmyks recorded from S. I. Manzhikov. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 3. Pp. 576–594. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-576-594

1. Введение

В архиве Калмыцкого научного центра РАН хранится рукопись «Калмыцкие народные песни» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. 82 л.], в которой содержатся тексты 150 песен, записанных известным востоковедом Церен-Дорджи Номинхановым в период с 1927 г. по 1962 г. от представителей разных этнических групп калмыков и торгутов Синьцзяна. Песни калмыков донской станицы Граббевской и большедербетовских калмыков, а также торгутов Синьцзяна анализируются в отдельных статьях [Бакаева 2025а; Бакаева 2025б; Бакаева 2025в]. Цель данной статьи — дать характеристику фольклорным материалам, записанным Ц.-Д. Номинхановым в 1962 г. от уроженца станицы Денисовской Санжи Ивановича Манжикова [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 22–50], во взаимосвязи с традициями донских калмыков.

2. Песни, записанные в 1962 г. от уроженца станицы Денисовской С. И. Манжикова

Самый большой блок (67¹ из 150 песен) в рукописном сборнике песен [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2], составленном Ц.-Д. Номинхановым, представляют тексты, записанные с 16 апреля по 18 июля 1962 г. в г. Элисте от знатока калмыцкого фольклора Санжи Ивановича Манжикова (1891–1965). Примечательно, что ученым указываются точные даты записи песен: 16 апреля, 31 мая, 14, 16, 18 июля 1962 г. [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 23, 50]. Они же составляют большую часть дела № 58 из Научного архива КалмНЦ РАН, содержащего зафиксированные от С. И. Манжикова песни и благопожелания [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58. 34 л.]. Стоит отметить, что примечания исполнителя в обеих рукописях идентичны.

Как отмечает П. Э. Алексеева в своей работе о богшрахинцах, т. е. уроженцах донской станицы Денисовской (калм. *Богшрахна ээмг*), С. И. Манжиков родился в семье выходцев из этой станицы, находившихся на заработках на конных заводах. После 1917 г. он служил в рядах Первой Конной армии, а по окончании Гражданской войны работал ветеринаром на военных конных заводах Ростовской области. В период депортации в результате несчастного случая потерял зрение. Как знатока фольклора его «открыл» Ц.-Д. Номинханов, записавший от него песни и благопожелания. Позже от этого сказителя сотрудницей Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (КНИИЯЛИ) А. Ц. Бембеевой (Бартуновой) были зафиксированы сказки, публикация которых составила отдельный сборник [Алексеева 2002: 113, 114; Хальмг туульс 1968]. Пять образцов песен и пять благопожеланий, записанных Ц.-Д. Номинхановым от С. И. Манжикова, были опубликованы П. Э. Алексеевой [Алексеева 2002: 114–116].

¹ В деле содержатся 44 песни донских калмыков, записанные в 1927 г., 67 песен донских калмыков, зафиксированных в 1962 г., 29 песен большедербетовских калмыков и 10 песен ойратов-торгутов Синьцзяна. Таким образом, значительная часть песенного сборника относится к традиции донских калмыков.

2.1. Песни исторического характера

Согласно примечанию¹ к песне № 14 «Алта деернь һархла» («Когда взойдешь на Алтай»), текст которой основан на традиционном приеме параллелизма, она относится к фольклорной традиции XVII в. Историчность ее состоит в том, что песня исполнялась еще во времена, когда предки калмыков начали откочевку с Алтая в места нынешнего пребывания народа («Алтаһас нааран һарсен цагт дуулсн дун») [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 28]. В короткой песне № 40 (всего 6 строк) упоминается, что в те времена калмыки носили красные кисти на головных уборах [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 38].

Песню «Алта гидг һазраснь» («Из местности, называемой Алтай», № 66) П. Э. Алексеева относит к лирическим [Алексеева 2002: 115–115], хотя по содержанию она религиозная, ее можно отнести и к историческим, так как в ней поется о трудностях пути в Тибет. В исполнении С. И. Манжикова она содержит три куплета, два из которых (второй и третий) соответствуют известной калмыцкой песне «Зу гидг һазр» («Страна, называемая Тибет»). В них, как и в этой песне, поется о паломничестве в Тибет, путь до которого занимает шесть лет, о том, что около Кукунора давали отдых коням, а врагам давали отпор. В первом же куплете песни говорится об отправлении героя из местности, называемой Алтай, на золотом соловом коне, на котором он и добирается до благословенной земли. Исследователи отмечали, что для калмыцкой традиции характерно включение в песню «Алта гидг һазраснь» строк из песни «Зу гидг һазр» [Төрскн һазрин дуд 1989: 30; Цебигов 1991: 17–18]; высказывалось предположение, что эти песни сложены в разное время и в них соответственно отражены разные пути в Тибет [Бакаева 2021]. Ц.-Д. Номинханов также приводит примечание исполнителя о том, что песня № 66 была сложена Зунгру-багши из Эркетенева аймака в 1905–1906 гг.: «Эрктнэ (донских калмыков) ээмгин Азовын Зунгру багшин 1905–1906 г. һарсен дун» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 49; НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58. Л. 28]. Нами пока не обнаружено сведений, почему Зунгру-багши назван «Азовын», однако указание на то, что он возглавлял хурул Эркетенева станицы, наводит на мысль о том, что речь идет именно о Дамбо Ульянове² (1844–1913), известном как Зунгру-багши Эркетенева хурула, который совершил путешествие в Тибет в 1904–1906 гг. Таким образом, С. И. Манжиковым создание песни приписывалось Дамбо Ульянову, автору сочинения «Предсказание Будды о Доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904–1905 гг.» [Ульянов 1913; Ульянов 2014]. Как пишет сам Д. Ульянов, он бывал в Монголии, неоднократно пытался проехать в Тибет, но его путешествие туда состоялось только в начале 1904 г. Он выехал 6 февраля из донской станицы, а возвратился домой из паломничества в Тибет 10 февраля 1906 г. [Ульянов 1913: 24–49]. А. М. Позднеев приводит сведения о

¹ Примечания составлены Ц.-Д. Номинхановым со слов исполнителя песен, который разъясняет содержание текстов и дополняет информацией. Интересно, что лишь в одном случае ученый специально отмечает, что комментарий принадлежит Манжикову С. И., — когда указывает, что песня № 4 сочинена уроженцем Власовской станицы в то время, когда тот находился в тюрьме [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 24].

² Сам Д. Ульянов в своем сочинении писал, что родился в задонских степях, куда родители уехали из станицы еще до его рождения, а в 10 лет, осиротев, он с младшим братом впервые приехал в Эркетенева станицу [Ульянов 1913: 4]. Собственное религиозное имя приводится им как Джимбья Зунгру [Ульянов 1913: 21].

том, что Д. Ульянов неоднократно путешествовал по Монголии, «приобрел» там высшие ученые степени цаннита и собрал обширную тибетскую и монгольскую литературу [АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 61. Л. 30об.–31; цит. по: Сабрукова 2014: 204]. Необходимо отметить, что песня «Зу гидр назр» впервые была опубликована как старинная в 1897 г. А. М. Позднеевым [Позднеев 1897: XI], затем специально была записана Г. Й. Рамstedтом (1903 г.), и уже тогда в ней присутствовали строки из песни «Алта гидг назраснь» [Halén 1991: 173–174; Бакаева 2021]. Примечательно, что донские калмыки, действительно, создание песни о паломничестве в Тибет связывали с известным своим сородичем, хотя авторство этой песни, сложенной еще в XVIII в., не может принадлежать Д. Ульянову. Такое «сближение», «сжатие» времени характерно для фольклорной традиции и свидетельствует о популярности песни, сложенной во время посольства хана Дондук-Даши в Тибет [Бакаева 2021: 93–98].

П. Э. Алексеева при публикации пяти песен С. И. Манжикова включила в их число как историческую песню № 11 о прибытии парня в калмыцкие кочевья к родственникам по материнской линии, которых он называет дарованными судьбой (*заята наһцнр*). К историческим она отнесена, судя по примечанию, потому, что сложили ее о прибывшем в калмыцкий нутук от «казахских черных татар» (*хасг хар маһдас*) 19-летнем сыне калмычки по имени Гаван Шарва, которую во время откочевки 1771 г. пленил и взял в жены казахский хан [Алексеева 2002: 114]: *Заһлма боран унад, / Заята наһцнриһән темцлэв. / Занла эдл күчтэ билэ (-лэ). / ... Оһтрһуднь хадгдсн тооснь / Заһлма борин тоосн билтэл. / Заята наһцнртан ирхнь, / Зая иктэ ээж минь сангдва* ‘Оседлав быстрого, как кобчик, сивого своего коня, устремился я к родственникам по матери. Был он сильным, как слон. Пыль, заслонявшая пространство, была пылью, поднятой сивым конем. Когда прибыл к родственникам по матери, вспомнилась очень счастливая мать моя’¹ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 27].

Вторая песня, вошедшая в публикацию П. Э. Алексеевой также как историческая [Алексеева 2002: 114–115], — песня № 51, в которой поется о том, что донские казаки захватили земли, где ранее расселялись калмыки, о тоске по родному дому, герою видится отцовским домом белая церковь, а солдаты — подданными отца [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 42]. Таким образом, песня соотносится с определенным историческим фактом, но основное ее содержание имеет лирический характер.

Песня № 67 из репертуара С. И. Манжикова является вариантом архаической калмыцкой песни «Шар шилин гүлзиг...» («[На] архара с золотистой / желтой горы...»), текст которой впервые был записан в 1902 г. от калмыков станицы Денисовской А. М. Листопадовым (в переводе названа «Песня охотника») [Листопадов 1998: 558–669]. Три текста этой песни — в записях А. М. Листопадова, А. В. Бурдукова и А. Ш. Кичикова — анализировались Д. В. Убушиевой [Убушиева 2013]. Первая строчка в исполнении С. И. Манжикова отличается от начальных строк в более ранних записях, что можно объяснить забвением устаревшего слова *гүлз* ‘архар’: вместо «Шар шилин гүлзиг...» («[На] архара с золотистой / желтой горы...») в записи 1962 г. присутствует строка: *Шар ширэсин һунзд* ‘Гунзуты (священнослужители) с желтыми престолами’, не связанная с основным содержанием (на охоте выстрел из лука и попадание дяди в племян-

¹ Перевод автора. — Э. Б.

ника (*аак чини эндүрэд ...чамаһан харвулва*) по ошибке из-за его одеяния и сокрушение содеянным), которое в других ее вариантах соответствует. В песне присутствуют такие формулы, как: «если отец спросит, скажите, что идет, если мать спросит, скажите, что придет», «о любимце матери скорбеть с жалостью», «шубой из тигровой кожи (в других вариантах — шкурой дзерена) отмеченный», что является иносказательной передачей сведений о гибели человека. Таким образом, в репертуаре С. И. Манжикова присутствовала архаическая песня [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 50], повествующая о реальном событии, когда на охоте дядя убивает своего племянника. Но текст 1962 г. заметно короче записанного в родной для С. И. Манжикова станице Денисовской на шесть десятилетий ранее.

Согласно примечанию, песня № 13 была сочинена в период жизни детей Убаши-хана: *Ови хаана куүкднь [бээх] цагт һарсн дун* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 28]. В ней говорится о том, что герои собираются добраться до матери, кочевье которой расположено на Волге: *Ик делтэ кер / Ижлүрн хэлэж цуурдва. / Ижлднь нутглсн ээждэн / Итлг болж курий. Ботхн бөрвтэ борнь / Богдыһан эргэд меңве. / Богдднь нутглсн ээждэн / Бокиурһа болж күрий* ‘Гнедой с большой гривой, глядя в сторону Волги, ржет. До матери, живущей на Волге, доберемся, став балабаном. Сивый с флягой из шкуры верблюжонка [на спине] кружит вокруг [горы] Богдо, словно охотясь. До матери, живущей около Богдо, доберемся, став воробьем’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 28]. Таким образом, в песне поется о калмыках, родители которых остались на Волге. Речь может идти об откочевавших в Центральную Азию в 1771 г., так как отмечается, что временем создания песни считается время поколения детей Убаши-хана.

Исторический характер имеет песня № 39, в которой упоминается имя ее героя: *олһа келтэ Жован Дорж, күмн ухата Жован Дорж, делүиғ ухата Жован Дорж* ‘Джован Дорджи острый на язык, Джован Дорджи умнейший из людей, Джован Дорджи с широким умом’, о нем же в примечании отмечено: *Цевднахна гэмгэ Жован Дорж* ‘Джован Дорджи из Цевднякинског¹ аймака’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9 Оп. 1. Д. 2. Л. 38]. Однако текст этой песни имеет сходство с известной песней о зайсанге Джова Дорджи Кутузове из Малодербетовского улуса Калмыцкой степи Астраханской губернии, который известен как один из представителей калмыцкой интеллигенции. Он преподавал в Санкт-Петербургском университете, работал в Калмыцком управлении в Астрахани, оказывал помощь К. Ф. Голстунскому в проведении экспедиционной работы среди калмыков, собирал материалы по фольклору калмыков [Алексеева 2010: 61; Бакаева 2022: 352–353]. Отдельные строки буквально совпадают, как и содержание песен: о гибели Джова Дорджи в пути, когда он едет в бричке, запряженной тремя рыжими скакунами (у С. И. Манжикова — *тергэнэ һорвн шарһань*; в записи Г. Й. Рамстедта о Д. Д. Кутузове — *tergenī yurbun zerdēn* (*тергени һурвун зердеень*)) [Ramstedt 1962: 90]; о том, что *бергн* (старшая невестка) не смогла ему помочь (у С. И. Манжикова — *эк түшэтэ бергнь эндүһин учрар үлдв* ‘невестка, хотя и помогала, как мать, из-за ошибки не смогла’; в тексте Г. Й. Рамстедта — *Eke tūšytāi ceŋker bergēn* ‘Невестка, хотя и помогала, как мать’); в тексте С. И. Манжикова Джован Дорджи «засыпан землей, вырытой лопатой» (*күрзинән шораднь даргдва*); в тексте о Д. Д. Кутузове прямо говорится о его

¹ Цевднякинский аймак — так называли калмыки свою станицу Граббевскую.

смерти — «ушел в небесную обитель» (*теңгрин оронд оч*), находясь на дороге с песчаными буграми. Также в песне № 39 говорится, что Джован Дорджи погиб в борьбе за общее дело (*олнанны кергт хорлгдва*) — тогда как известно, что зайсанг Д. Д. Кутузов умер, возвращаясь в свой улус из Астрахани, куда ездил по делам Управления калмыцким народом.

Таким образом, имеется сходство сюжетов и текстов песни о Джован Дорджи с песней о малодербетовском зайсанге Джова Дорджи Кутузове. Примечание о том, что песня посвящена цевднякинскому Джован Дорджи, вероятно, записано Ц.-Д. Номинхановым со слов С. И. Манжикова. Это свидетельствует о том, что образ Джован Дорджи не был знаком исполнителю, но он знал, что герой песни из другого улуса, и потому назвал другую станицу¹, «приблизив» историю малодербетовского зайсанга к донским калмыкам. Сходство с песней о зайсанге Д. Д. Кутузове позволяет считать, что песня, исполненная С. И. Манжиковым, была посвящена именно этому зайсангу. Это подтверждает и песня богшрахинцев «Чис улан альмчн» («Плач по умершему мужу»), записанная А. М. Листопадовым в 1902 г., где говорится о красивейшем и умнейшем из людей зайсанге Дорджи, который уехал в Астрахань (*эдл зүстэ хурвн шарһа Ээдрхнэн темцэд жциркрад* ‘три одинаковой масти соловых коня бегут, устремившись к Астрахани’) и повторяется куплет о дрожках или бричке, расписанных как кюрде, и о том, что умнейший из людей Дорджи засыпан землей, т. е. умер (*күрд(-ле) эрэтэ тергнчн күүтр болһнднь күржцнэд, күмн(-ла) ухата Доржэ зээсц күрзэр(-ле) шораднь даргдад*) [Шивлянова 2002: 227].

Еще одна песня имеет примечание о том, что она посвящена нойону Цевднякинскому аймака. Это песня № 32 о нойоне Джимбе Шарва, которая прославляет его, а также говорится о том, что, неся войсковую службу, он был знаком с начальством из Новочеркасска: *Кермнинтн сээдүдлән таньлдва (таньлта), / Таньлдн гижэ таньлдсн угав, цергин учрар таньлдва* ‘знаком со знатью Новочеркасска, не ради знакомства знакомился, а потому, что служил, знакомился’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 35]. В записанном А. М. Листопадовым тексте видим тот же мотив: *Кер халтр мөрнчн / Кермен күлтрнь сайглад, / Кел заңта Жимбо Шарва / Кермин сээдүдлэ таньлта* ‘Гнедой с желтоватыми подпалинами конь твой иноходью до Новочеркасска дойдет, речистый Джимбо Шарва с начальством Новочеркасска знакомство водит’ [Шивлянова 2002: 221]. Песня № 32 С. И. Манжикова является вариантом песни «Кер халтр мөрн» (в переводе — «О Джимбо-богатыре»), записанной А. М. Листопадовым от С. Сарановой в станице Денисовской в 1902 г.; совпадают полностью некоторые строки и содержание: *Өнчэр өсгсн Жимбо Шарва / Өргмжэ буульмжэднь ортха* ‘Сиротой выросший Джимбо Шарва пусть восхвалений удостоен будет’ (С. Саранова) — *өнчэр өсгсн Жимбо Шарва* ‘Выросший сиротой Джимбе Шарва’ (С. И. Манжиков).

2.2. Песни на военную тему

Среди песен на военную тему в этом рукописном сборнике есть песни, в целом посвященные военной службе, защите родного края, а также те, о которых С. И. Манжиков сообщает конкретные сведения, например, к какому периоду истории они относятся.

¹ Цевднякинский аймак находился ближе большинства донских калмыцких станиц к улусам Калмыцкой степи.

В песне № 2 поется о захвате табунов лошадей, что приводило к враждебным отношениям с соседями. Ученый в примечании со слов исполнителя пишет: *Кезэнэ дэн өскэж, аду булалдг цагин дун* ‘Песня давних времен, когда, соперничая из-за табунов, порождали войны’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 23].

В песне № 48 содержится призыв поразить врагов, которые наступают с разных сторон: *Барун үзгин дээсиг бачмдэж йовэж дарыйа¹. / Зун үзгин дээсиг зүүчремлэж курч дарыйа* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 41].

Из песен, записанных у С. И. Манжикова, особый интерес вызывает песня, восходящая к эпической традиции калмыков. В ней содержится восхваление дворца эпического героя — хана Джангара, властелина страны Бумбы. Обычный зачин, в котором молодой человек двадцати с небольшим лет отправляется в армию, отражает важность значения военной службы и защиты Родины, продолжается отсылкой к «временам аранзала Зерде» (*Арнэл Зеердин амр цагт*), когда богатырь, с которым идентифицируется герой песни, отправлялся на борьбу с врагами хана Джангара (*Жаңһринтн дээснднь мордув*). Словно в эпическом тексте, в песне С. И. Манжикова так поется о дворце властителя Джангара: *эзлгч эзн богд Жаңһрин өргэ* ‘правящего властителя богдо Джангара дворец’; *дөчн дөрвн термтэ, / дөрвн миңһн уньнта, / хаиш болд харачта, / хавсн мөңгн цаһрғта, / эвтэ зандн эртэ бээж, / һал шиһлэр дотрлгсн бээж* ‘С сорока четырьмя решетками-терме, с четырьмя тысячами жердей-унинов, крепким, как яшма, кругом-харачи, с серебристой поперечиной дымника — цагараком, с порогом из подходящего сандала с отделкой изнутри красным стеклом’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 37].

Для донских калмыков военная служба была обязанностью, и потому в песнях С. И. Манжикова прослеживается тема призыва в армию. Так, к песне № 37 Ц.-Д. Номинхановым дано такое примечание: *Цергт мордэж йовсн залусин дун* (‘Песня мужчин, призванных в армию’). Ее герои, переправляясь через реку Маныч, обращаются к отцам и матерям, чтобы они молились будде Майтрейе во время их похода, а добравшись до города Новочеркасска, отмечают, что он красивый, когда дальше плывут на корабле, вспоминают младших братьев и сестер: *Ману һатлад һарһнь, / Маңһнаһснь көлсн һарна. / Маниг өсксн ээж, аав / Мэдр бурхндн зальврит. / Кермен гидг городнь / Кеемсг болчкад кеуушгл. / Кермэр дамжад йовһнь, / Кензе дуурһн сангдна* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 37].

Значимость песен о воинах и богатырях находит отражение в том, что в сборнике песен, записанных от С. И. Манжикова, собиратель первой поместил ту, в примечании к которой написано: «Гурвн баатриг магтсн дун» («Песня, прославляющая трех богатырей») (записана раньше других — 16 апреля 1962 г.). Она имеет военный характер, в ней поется о Габан Шараве, Керядг-батыре и Шарарада-батыре, которые выступают против врагов, упоминаются и кони богатырей: *шар алг мөрн* ‘желто-пестрый конь’, *кер алг* ‘гнедой’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 23]. О них же поется в песне донских калмыков (№ 30 «Гал-маань һаңхулж»), где вместе с богатырями по имени Гавун, Шорада, Керяда, Мазан они рубятся с противником [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 15].

¹ Обратим внимание на окончание глагола повелительного наклонения. В песнях, записанных Ц.-Д. Номинхановым у грабевских и ставропольских (большедербетовских) калмыков в 1927 г., мы отмечаем такое же окончание, свидетельствующее о сохранении архаической формы [Бакаева 2025а; Бакаева 2025б]. Здесь мы видим ее сохранение в записях начала 1960-х гг.

Песня № 10 также имеет военный характер, и Ц.-Д. Номинханов в примечании к ней сообщает, что она была сложена в 1877 г., во время русско-турецкой войны: «Эн дууг 1877 жилд түргэл дээлдхнд харһсн дун». В песне используется традиционный прием параллелизма; призванный в армию вспоминает свою мать и мечтает стать птицей, чтобы долететь до нее: *Зах(ан) салаһинтн экнэснь / Залуһинэн омгар мордлав. / Зая хөвнь бээхлэ, / Танта маниһэн харһулуйта. / Зая иктэ ээждэн / Заһлма болж күрий. / Бурултынтн экнэснь / Бууһан үүрч мордлав, / Буйн кишгтэ ээждэн / Богшурһа болж күрийе!* ‘От развилки на окраине с гордостью мужчины я отправился служить. Если предназначено судьбой, то с вами дадут встретиться. До счастливой матери доберемся, став кобчиком. От истока Бурулты с ружьем на плече я отправился служить. До добродетельной матери своей доберемся, став воробьем’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 26]. Подобное содержание имеет и песня № 41, в ней выражается обращение к Дежентену, отправившемуся в поход, на кого же он оставил своих младших [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 39].

Песня № 20, согласно примечанию, также сложена во время русско-турецкой войны, в 1877 г. Ее содержание свидетельствует о том, что сочинена она уходящими в военный поход, которые желают старшим родственникам (остающимся дома) и тем, кто отправляется, пребывать в здравии и счастье [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 31].

В отдельных песнях содержится конкретная информация о том, в какое подразделение направляется воин. Так, в тексте песни № 28 говорится, что 20-летний юноша, уходящий на службу в армию, отправляется во второй полк. Согласно примечанию, эту песню пели именно уходящие в армию [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 34]. В песне № 63 поется об уезжающем на пограничную службу воине, уже надевшем шинель и взявшем свою шашку: *Хар керихэн унад, / Харулын цегт мордлав. / Харулын цегт мордвчигн, / Хамг ламртан зальврия. / Шар толһата шашк минь / Шаһаһинь цокжэ шаржэңна, / Шаһаһинь цокжэ шаржэңнавчигн, / Шажэң ламдан зальврия* ‘На темно-гнедого коня сев, отправился я на пограничную службу, хотя и отправился на пограничную службу, будем всем ламам молиться. С желтой рукоятью шашка моя бьет по щиколотке и гремит, хотя и бьет по щиколотке и гремит, будем молиться ламам’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 47]. В тексте этой песни встречаются русизмы (шинель, ученье), указывающие на конкретные условия быта военнослужащих: *Ут хормата шинель минь / Учень цегт зокаста. / Ут шинелэн өмсхнь, / Ут хаалһар йовлав, / Ут хаалһар йовбчигн, / Учргсан дээсэн дария* ‘Длинная шинель моя для учений подходит. Надев длинную шинель, отправился я в дальний путь. Хоть и в дальнем мы пути, будем врагов давить’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 47].

Переживания за отправляющихся на военную службу звучат во многих песнях, зафиксированных от С. И. Манжикова. Так, в песне № 61 поется о том, что прекрасный мужчина по имени Цеден, преодолевая реку Гашун (‘Горькая’), так далеко находящуюся от дома, проливает горькие слезы. Сев на гнедого своего с растрепанной гривой, на плоту поднялся по реке Цеден, вернулся бы в течение месяца: *Гашун гидг голнь / Гаслһта хол һазрэ. / Гашу һатлад (һархнь) йовхнь, / Гашун нульмснь асхрна. / Салһр делтэ керигэн унад, / Сал өөдлэд һарва. / Сэн залу Цеднтн гилэ / Сардань нег ирич* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2.

Л. 47]. В таких текстах обязательным компонентом является упоминание о необходимости обращения к буддийским божествам с просьбой-мольбой о покровительстве. Большинство песен сложены с использованием традиционного для калмыцких песен приема параллелизма: в первых строках поется о коне либо о природе, в следующих идет обращение за покровительством к божествам — Тенгер-бурхану (Небу) и Ямандаге (№ 62 [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 47]), Майтрейе (№ 42 [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 39]), ламам и даже к религиозному сочинению «Алмазная сутра» (калм. *Доржэ Жодв*) (№ 50 [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 42]). В последней песне содержится формула: «если спросят: отец — скажите, идет, если мать — скажите, придет, если жена — скажите, болеет», что соответствует эвфемистической формуле сообщения о гибели человека, которая присутствует в песне № 67 и песне «Шаршили гүлзиг...» («[На] архара с золотистой /желтой горы...»). Действительно, в примечании собиратель сообщает, что песня сложена после того, как одного из двух калмыков, возвращавшихся из армии, убили грабители. Завершается песня обращением за защитой к «Алмазной сутре»: *Алтар бичглгсн Доржэ Жодвнь / Эмндм туслх болтха-ла* ‘Пусть поможет моей жизненной силе Дорджи Джодва, написанная золотом’ (№ 50 [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 42]).

В собрании песен, зафиксированных от С. И. Манжикова, ясно прослеживается тема беспокойства о тех, кто обеспечивает спокойную жизнь, сражаясь с врагами. Но в песне № 65 содержатся строки, в которых отражена горечь переживаний за то, что донские калмыки отселились от своих традиционных кочевий, изменили образ жизни, став казаками, и в отличие от обычных скотоводов взяли на себя обязанность прохождения военной службы¹. В ней выражается укор в том, что традиционная пища калмыков-скотоводов уже не так нравится им, а воды реки Егорлык стали для них священным напитком-аршан: *Донжэкта цээтн хорн болву? / Доңсолын (доңсолун) уснь аршан болву? / Мошкмр боорцгтн хорн болву? / Хар сүхэрнь аршан болву?* ‘Что, чай из сосуда донжик отравой стал? Что, вода из реки Доңсолу (Егорлык) стала аршаном? Что, борцоки мошкмр отравой стали? Черные их сухари аршаном стали?’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 43].

Таким образом, военная тема связана с темами борьбы с врагами и ожидания близкими возвращения призванных в действующие части, с думами о тех, кто ушел в поход, о доме и необходимости покровительства всевышних воинам.

В примечании к песне № 26 сообщается, что она была сочинена, когда наступали многочисленные враги, но были побеждены: *Шилтэд иргсн дээсиг / Шидрхн зеентэһэн дарулув* ‘Напирвавших врагов я подавил вместе с родствен-

¹ Согласно зафиксированным Ц.-Д. Номинхановым воспоминаниям Б. Л. Башангинова, по достижении 21 года все калмыки-казаки принимали присягу в Станичном управлении в присутствии буддийского священнослужителя, затем в течение года они дважды отправлялись в специальный лагерь со своим конем и обмундированием для прохождения учебных курсов. По достижении 22 лет они подлежали призыву в регулярную армию, где служили 3,5 года, причем в течение примерно трех месяцев перед этим необходимо было прожить в казарме, чтобы конь призывника привык к несению строевой службы. После прохождения службы донские калмыки состояли на военном учете — до достижения примерно 30 лет «в первой очереди», затем до достижения 40 лет — «во второй очереди», лишь после этого их переводили в запас. В военное же время все донские казаки могли быть отправлены в армию [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12. Л. 45–49].

никами по матери' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 33]. В текстах ряда песен (№ 25, 44, 45, 51 и др.) красной нитью проходит пожелание о том, чтобы уходящие в военный поход (в армию) вернулись живыми и здоровыми: *Айндан мордгсн ахир-дүүнрнь / Эмд-менд иртхэ-лэ* 'Пусть старшие и младшие братья, призванные в армию, вернутся в полном здравии' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 33]. Упоминаются в этих песнях и будни военнослужащих, к примеру, отдых на привалах в балках и готовка пищи на кострах [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 43].

2.3. Песни религиозного характера

С песнями на военную тему связаны песни религиозного характера. Одна из них — песня № 66 «Алта гидг назраснь», авторство которой С. И. Манжиков, как отмечалось выше, приписал паломнику Дамбо Ульянову. Она рассмотрена в разделе, посвященном песням исторического характера, так как была сложена во время конкретного паломничества [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 49].

Буддийские божества и ламы, к которым обращаются за помощью в сохранении жизни и здоровья призванных на военную службу, упоминаются во многих песнях. Вместе с тем отдельные песни имеют истинно религиозный характер. Так, в песне № 58 [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 46] сообщается о том, что скоро наступит праздник Цаган сар и всем будут покровительствовать божества Цаган Шюкерте (Белозонтичная Тара) и Окон Тенгри (Лхамо), а также выражается пожелание о том, чтобы все собрались и помолились вместе с ламами: *Цаһан сарин нег шинд / Цаһаһан һарһэж менделий... / Цаһан Шүкртн евэтхэл... / Ач иктэ ламин зергд / Бүгдэрн курч мөргий / ...Окн Теңэрнь евэтхэ* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 46]. В песне № 59 поется о буддийском храме, воздвигнутом на землях хошутов, откуда музыка и религиозные песнопения доносятся до странствующих [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 46].

Песня № 60 посвящена восхвалению тибетского монастыря Галдан. В ней поется о том, что из монастыря доносятся звуки белых раковин-дунг и песнопения монахов, а сам храм Галдан уподобляется золотой крыше, имеющей 108 граней, под которой находится большая статуя божества: *Хун цаһан дуңгин айсар / Хуврг эрдень яңва. / Олнднь тухслта / Ор һанцхн Галданви, / Зун нээмн талта / Зууһин алтн деевр. / Түүндень суудг-ла курэ ик шүтэнбе?* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 47].

Во всех перечисленных религиозных песнях используется прием параллелизма: первые строки посвящены коню, его бегу, вторая часть куплета — божествам и ламам, которым следует поклоняться. Так и в песне № 62 поется о сивом коне с тавром в виде сосуда бумба и о том, чтобы герою покровительствовали божества [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 47]. В песне № 47 появляется новый мотив — престарелая мать вспоминается в дни буддийского поста мацг: *Сээһн заңта ээжнь / Сарин мацглань сангдна... / Нас иктэ ээж минь / Нээмн шинин мацглань сангдна* 'С прекрасным нравом мать вспоминается в день поста. Престарелая мать моя вспоминается в день поста восьмого числа (лунного месяца)' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 41]. Необходимо также отметить наличие в песнях на религиозную тему традиционных формул калмыцкого фольклора: *Дала дунд жирмэхэ сээһн, / Даянднь суусн ламнрнь сээһн* 'В океане мальки хороши, из погруженных в созерцание ламы хороши' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 33], *Шилэснь тодрхаин гегдһитн үзий. Шикрэснь эмтэһн зэрлгитн соңсий*

‘Увидим священнослужителя-геяна яснее, чем через стекло, услышим наказания ваши, что сахара слаще’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 33].

Песня № 30 демонстрирует связь песен религиозной и военной тематики: в ней поется о том, что если у мужчины помыслы чисты, то ладится дело у него, а вкусив «белой пищи», благополучно возвратится он домой: *Цаһан санаһар йовхнь гилэ / Залуһинэн үүлнь бүтнэ. / ...Цаһан идэһэн амсхнь / Цаһан хаалһар хэрий* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 34].

Благопожелания — специфический компонент песен религиозного характера, и потому текст песни № 4 звучит как прославление мира и пожелание его процветания: *Өрүн һарсн нарн билэ, / Өңгтэ сээхн солоһн / Эн бээсн бүгдэрн / Номин йосар жүрһий* (другой вариант: *Эн цагин амтнь / Номин йосар жүрһитхэ* ‘Ранним утром солнце встало, красивая цветная радуга появилась. Все, кто есть, вместе будем счастливы, живя по законам религии (или: люди этого времени пусть будут счастливы, живя по законам религии)’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 24]. Вместе с тем этот текст отличается от других тем, что здесь мир природы и мир людей, живущих в соответствии с буддийским учением, сопоставляются с тем, кто сочинил песню, кто мечтает о помощи и спасении своей страдающей души. В примечании Ц.-Д. Номинханов со ссылкой на С. И. Манжикова отмечает, что песня была сложена выходцем из Бембдякинского аймака (Власовской станицы) Овшин Очиром, который находился три года в заключении [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 24]. Видимо, поэтому в его словах так прославляется широкое пространство, в котором солнце сияет, как флаг (*томргч оһтргһу, туг нарнь мандалад...* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 24]).

2.4. Лирические песни

Среди песен, записанных Ц.-Д. Номинхановым у С. И. Манжикова, есть и лирические, большая часть из них посвящена матери, которую вспоминают уехавший в далекие земли сын или дочь, есть песни о замужестве, о любви к девушке и песни, исполнявшиеся на свадьбах. В них используется характерный для калмыцкой традиции прием параллелизма. Так, в песне о матери (№ 12) поется: *Нэрхн сүүлтэ начн шовун / Нартыһан эргэд меңеж. / Нас иктэ ээж минь / Нээринэн сүүртнь сангдва* ‘С тонким хвостом сокол охотится, кружа над землей. Старенькая мать моя вспомнилась мне на пиру’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 28]. Песня № 7 посвящена матери, в одиночку взрастившей сына по имени Церен, который стал настоящим мужчиной, он считает свою мать «светлым умом»: *Сар мандлма борнь / Сээни шинжэнь орва-ла. / Сарулхн ухата ээж минь / Гольшигинтн шинжэнь орва-ла. / Өндр деернь һархнь / Өрүн солоһһнь долвкна-ла (сияет), / Өнчэр өсгсн Церен / Сээни шинжэнь орва-ла* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 30]. В песне № 18 воспеваются мать и все старшие родственники, с которыми никто не может сравниться: *Өңгин аһр бээвчн, / Эрвэ ахла эдлцэтэ уга. / Өңгинэн ээжһр бээвчн, / Эрвэ ээжэдэ эдлцэтэ уга* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 30]. Думам о матери, родственниках посвящена и песня № 16, в ней они вспоминаются с приходом весны, появлением зеленой листвы и возвращением перелетных птиц: *Харсн шовун ирсн цагт / Хээрлдэ ээжһнь сангдна. / ...Намч цецгэ делгрх цагт / Нээрсг аһрм сангдна* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 29]. Такая ассоциация связана с тем, что мать воспринимается как начало всех начал, а весна — как начало пробуждения

природы после холода зимы. Воспоминания о матери являются также темой песен №№ 23, 38, 47 [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 32, 38, 41], в которых мысли о матери навевают тоску по дому и грусть о былом счастливом времени: *Жирһл дүрглиһэн санхнь, / Зүркн минь уйдва-ла (уйдна). / Жирн наста ээжһэн санхнь / Жирһн болж медгдв (сангдна)* ‘Когда вспоминаешь о счастливой веселой жизни, сердце мое наполняет печаль. Когда вспоминаешь 60-летнюю мать, образ ее видится словно мираж’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 32].

Песня № 6 «Хар келн тоһрун», как и другие варианты этой известной калмыцкой песни, посвящена теме замужества девушки. С широко распространенным текстом имеет сходство первый куплет, далее следует другой текст, но его содержание соответствует песне девушки, которую забирают у матери [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 24]. Песни №№ 8, 9 и другие, по свидетельству Ц.-Д. Номинханова, пели, когда девушку выдавали замуж, в них выражается страдание от разлуки с родными и ожидание еще более трудной, чем в родном доме, жизни: *Цел көк хулсн-зегснь хуврнэ гидгнь энв. / Цевртнь өсксн (ээжэсн хольжад һархнь), элк гемтэ болвлв. / ...Аавасн хольжад һархнь ад гемтэ болвлв, / Аавинэн кегулгсн эмалнь элх дутман йонзта-ла* ‘Совсем зеленый камыш и чакан так могут измениться. От матери, воспитавшей в целомудрии, уезжая, душой горевала. От отца уезжая, словно безумная стала. Сделанное отцом седло словно изношенное стало’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 25]. В песне № 22 также поется о девушке, выданной замуж, о чем собиратель сообщает в примечании [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 32].

В песнях на эту тему отражены и социальные противоречия. Так, в песне № 9 (сочиненной в 1904–1905 гг. согласно примечанию собирателя), говорится о том, что богач берет хорошую девушку из бедной семьи в жены для своего сына, и ей предстоит испытать немало страданий в чужой семье: *Тэвн шарһа мөрнь / Таша деерэн тамһта. / Таварн өсгсн биив нойһн, / Тамтахн һазртнь тусвлч, көөрк. / Хаврин һурвн сарднь / Халун салькн нарндань шатвлч, көөрк. / Зун шарһа мөрнь / Зула деерэн тамһта. / Зөндэн өсгсн биив нойһн, / Зовлцта һазртнь тусвлч, көөрк. / Зуни һурвун сарднь зухинэн амнднь хатвлч көөрк. / Намрин һурвн сарднь / Нарн, салькнднь хатвлч, көөрк* ‘У пятидесяти соловых коней на бедрах есть тавро. Вольготно выросшая девушка, попала ты в место, подобное преисподней, бедняжка. В весенние три месяца горячие ветра обжигают, как солнце. У ста соловых коней на темени есть тавро. Вольно выросшая девушка, попала ты в место, где придется страдать, бедняжка. Летние три месяца у глинобитной печи проводя, изнуришься, бедняжка. В осенние три месяца солнце и ветер, обжигая, иссушат тебя, бедняжка’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 26].

К песням на тему любви относятся песни № 54 (о девушке, о которой мечтает молодой человек), № 55 (известная песня «Наһц аавин цоохр ноха») и другие.

Собиратель пометил как старинную песню № 15, которая относится к свадебным пировым песням (*сөңгин дуд*). Она не озаглавлена, но ее текст соответствует известной калмыцкой песне «Саглр харһан намчднь». В ней поется о том, что поющий принимает гостей, поднося чарку сидящим на пиру старшим родственникам: *Үрэрн суугсн ахнриһэн / Үдин сөңгэрн гиичлүллэв, / ...Хээрсег сээхн ахнриһэн / Нээринэн сөңгэрн гиичлүллэв, / ... Сааларен [?] суугсн ахнриһэн / Саалинэн [?] идәһэрн гиичлүллэв* ‘Дружных братьев своих обеденной чаркой угощая, я привечал. Любящих красивых братьев своих чаркой на пиру угощая, я

привечал. [?] братьев своих молочной пищей угощая, я привечал' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 29]. Этой песне близка песня № 31, в которой также поется о гостеприимстве и угощении на пиру близких и друзей: *Агтын турун үүлнэснь / Асхрсн борань орна-ла. / Амргин иньг, таниһэн / Ааһта идэхэрн гиичлүллэв. / Серк семэжн үүлнэснь / Сергерсн борань орна-ла. / Седклин иньг, таниһэн, / Сөңгстэ идэхэрн гиичлүллэв* 'Из тучи, похожей на копыто скакуна, проливается дождь, друг мой, вас, угощая чашей пищи, я привечал. Из тучи, похожей на перья, проливается дождь. Желанный друг, вас, поднося вам напитки, я привечал' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 31]. В песне присутствует фольклорная формула «*пройдет дождь, уедет гость*», соответствующая народной калмыцкой поговорке *Орсн боран гиидг, ирсн гиич хэрдг* 'Идущий дождь перестанет, приехавший гость уедет'. В целом ряде песен, записанных от С. И. Манжикова, зафиксированы тексты, содержание которых сродни пословицам: *Нуурин уснасьн дөлэшиң (-лэ гинэ-лэ), нухмл алтнасьн нигтишиң (-лэ гинэ-лэ)* 'Тише воды в озере, крепче слитка золота' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 30]; *Ясн дотрк чимгнэсн нигтишиң билэ, яңһг дотрк идэнээсень эмтэхнишиң билэ* 'Был гуще костного мозга, был слаще ядра ореха'; *Өрүн һарсн нарнь — өңгтэ сээхн цолвң* 'Взошедшее утром солнце подобно красивой утренней звезде' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 36]; *Урлданантн борднь ууд эжолань түшэн болва, уйн баһ насднь ээж, аав түшэн болва. Ик геринтн бэрлһнд уньн, термнь түшэн болва, баһ геринтн бэрлһнд баран, орнь түшэн болва* 'Для коня на скачках удила-поводья — опора, для человека в детстве родители — опора. При возведении большой юрты ее жерди-унины и решетки-терме — опора, при возведении маленькой юрты сложенный в глубине скарб и кровать — опора' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 24а].

Встречаются и песни философского плана, содержащие размышления о жизни, природе. Так, в песне № 3 поется о том, что если не будет ветра, то как пожелтеет осока, если не страдать мнительностью, то и ветер не будет в щели дуть: *Салькн уга болхла / Шуура юндан шарлдмб? / ... Сежсг уга болхла, / Сегркэ заагар / Салькн үлэшичигн уга (оричигн уга)* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 24].

Среди лирических песен выделяются песни бытового характера. Скотоводческий быт находит отражение в песнях табунщиков, которые теряют коней и готовы благодарить тех, кто поможет их найти (№ 31: [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 35]). В песнях содержится призыв следовать учению: *Эн цагин амтн эн номин йосар эжиргий* 'Люди этого времени, будем жить согласно этому учению' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 24]. Вместе с тем одна из песен (№ 7), в которой содержатся строчки о потере скота, посвящена иной истории — в ней сообщается о конфликте, который возник на донской земле: *Һурвн Хурһтын экнэсьн / Һучн темэхэн алдла. / Һучн темэхэндэн һундсн угав, / Һурвн ахдан һундув* 'У истока Гурвун Хургаты тридцать верблюдов я потерял. Не печалюсь из-за потери тридцати верблюдов, печалюсь из-за трех моих старших братьев' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 25]. Девушка поет о трех братьях, один из которых погиб в стычке «с мужиками» в Макеевке (калм. *Мэж*), у реки Маныч (калм. *Мануц*) — об этом узнаем из примечания собирателя: *Эн залусин дүнь, 19-тэ куукнэ һарһсн дун. Ик ахинь можсгуд алчжэ* 'Этих мужчин младшая сестра, 19-летняя девушка, сочинила эту песню. Ее старшего брата убили мужики' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 25].

Необходимо отметить присутствие в текстах песен характерных формул, восходящих к калмыцкой традиции в целом: *Ohmphy өөдэн хэлэхнь, / Одн сарнь сээхн-ла. / ...Хотн дунд хэлэхнь / Хөн хурһнь сээхн-лэ* ‘Взглянешь на небо, там красивы месяц и звезды... Посмотришь на хотон, там красивы овцы и ягнята’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 32]. Вместе с тем в песнях донских калмыков, записанных от С. И. Манжикова, имеются и темы и мотивы, характерные для быта именно донских калмыков, проживавших поблизости от оседлого населения Войска Донского и перешедших раньше других калмыков к оседлому образу жизни. Например: *Ташу өөдэн хэлэхнь, тэрэн темснь сээхн-лэ* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 32] ‘Взглянешь на косогор, там красивы посеы и плоды’.

3. Заключение

Песни, записанные Ц.-Д. Номинхановым от С. И. Манжикова, отражают разнообразие этого жанра у донских калмыков и свидетельствуют о связи истории с устным народным творчеством представителей этой этнической группы.

Наиболее архаические произведения из собрания песен С. И. Манжикова — песни о прародине калмыков, находящейся в Центральной Азии, в них упоминаются горы Алтая и происходившие там события. Большой ряд песен посвящен воинам, отправляющимся в поход или пребывающим на армейской службе (что вполне объяснимо, поскольку донские калмыки являлись казаками и служба для них являлась служилым долгом), и тому, как начинаются войны. С песнями на военную тему связаны и песни религиозного характера — в концовке первых обязательно звучит тема обращения к буддийским божествам за помощью в сохранении жизней воинов. В рукописном сборнике встречаются и песни, посвященные природе, спутнику кочевника — коню, замужеству девушки, любви к матери, девушке. Есть песни об имевших место конфликтах и их последствиях, что неизбежно в любом обществе: песня о Джован Дорджи (№ 39), о столкновении с казаками-солдатами (№ 51), о братьях, пострадавших при конфликте в Макеевке, сочиненная их младшей сестрой (№ 7).

Песни, зафиксированные в первые годы после возвращения калмыцкого народа из сибирской ссылки (28.12.1943 – 09.01.1957), длившейся долгих тринадцать лет, когда калмыки жили в относительной изоляции друг от друга, позволяют судить об особенностях песенной традиции донских калмыков, сохранявшейся еще в начале 1960-х гг.

В результате анализа песен С. И. Манжикова можно утверждать, что донские калмыки были знакомы с историческими песнями основной этнической группы народа (населения Калмыцкой степи). Об этом свидетельствуют как архаические песни, которые были сочинены на раннем этапе общей этнической истории, так и песни, сложенные в XIX в. и затем ставшие известными среди донских калмыков-казаков. Такова песня о Джован Дорджи: будучи знакомы с ней, донские калмыки не знали историю зайсанга. Поэтому С. И. Манжиков называет Джован Дорджи зайсангом из Цевднякинского аймака, который располагался намного ближе, чем станица Денисовская, к Малодербетовскому улусу Калмыцкой степи, выходцем из которого и являлся персонаж данной песни — Джова Дорджи Кутузов.

В песнях донских калмыков прослеживается знание этнических подразделений, внимание к теме «свой» – «чужой». Так, отнесение Джован Дорджи

к зайсангам не своей станицы свидетельствует об их традиции определения чужого: незнакомый — значит чужой, вероятно, из другой станицы. В других песнях присутствует противопоставление людей из «своего аймака» и других аймаков (донские калмыки станицы называли аймаками).

Приписывание авторства песни «Из местности, называемой Алтай» Дамбо Ульянову (Зунгру багши), ламе, известному среди всех донских калмыков путешествием в Тибет, Монголию, пребыванием в Санкт-Петербурге, где он даже знакомился с представителями царской семьи, свидетельствует о том, что донские калмыки знали песни, сложенные калмыками из Калмыцкой степи, и обнаруживает так называемое «сжатие» времени в фольклорной традиции, когда более ранние события относят к своему времени. Кроме того, эта песня демонстрирует, как своей традицией считали то, что заимствовали у основной этнической группы.

У донских калмыков, как можно судить по репертуару С. И. Манжикова, есть немало военных песен. В большинстве песен из них прославляются участники походов, защищающие страну от врагов. Вместе с тем в репертуаре С. И. Манжикова зафиксирована и одна песня, в которой высказывается сожаление по поводу того, что донские калмыки, переселившись с основных территорий своего расселения, где они занимались традиционным видом хозяйствования, в степи Придонья, подчинили свою жизнь общим законам казачьей среды. Благодаря собирателю записаны песни, сложенные в период русско-турецкой войны и датированные 1877 г.

В репертуаре С. И. Манжикова немало песен религиозной тематики. Во-первых, это свидетельствует о глубине религиозной традиции среди донских калмыков. Во-вторых, религиозная тема приобретала особое значение в связи с военной службой и рисками, связанными с ней. Кроме того, значение религиозной темы, возможно, связано и с тем, что до Великой Российской революции хурул Денисовской станицы в течение определенного времени, по крайней мере, когда М. Борманжинов был Багши-Ламой донских калмыков, являлся для последних главным хурулом.

Лирические песни имели широкое распространение среди донских калмыков, как и среди других этнических групп. Они имеют схожую структуру, основаны на приеме параллелизма, их большая часть посвящена матери, старшим родственникам либо девушке, выходящей замуж.

В целом можно сделать вывод о том, что Ц.-Д. Номинханов без купюр записал весь песенный репертуар С. И. Манжикова. И этот материал подтверждает тезис, вынесенный Ц.-Д. Номинхановым в качестве эпиграфа, смысл которого заключается в том, что песня — это история народа [НА КалмнЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 1].

Источники

АВ ИВР РАН — Архив востоковедов
Института восточных рукописей РАН.

НА КалмнЦ РАН — Научный архив Кал-
мыцкого научного центра РАН.

Sources

Archive of Orientalists of the Institute of
Oriental Manuscripts of the RAS.

Scientific Archive of the Kalmyk Scientific
Center of the RAS.

Литература

- Алексеева 2002 — Алексеева П. Э. Сказочник Санжа Манжиков // Алексеева П. Э. Богшрахинский аймак и богшрахинцы. Краткие исторические очерки. Элиста: Джангар, 2002. С. 113–120.
- Алексеева 2010 — Алексеева П. Э. Народные просветители Кутузовы // Алексеева П. Э. О людях и времени. Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 61–64.
- Бакаева 2021 — Бакаева Э. П. Путь в Тибет: религиозные песни калмыков и реалии путешествий // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 3(33) С. 9–22.
- Бакаева 2022 — Бакаева Э. П. История о зайсангах Джова-Дорджи и Эмген-Убаши в калмыцком фольклоре: прообразы и этнографическая специфика мотива соперничества // Новый филологический вестник. 2022. № 2(61). С. 346–366. DOI: 10.54770/20729316-2022-2-346-366
- Бакаева 2025а — Бакаева Э. П. Народные песни калмыков в записи Ц.-Д. Номинханова у уроженцев станицы Граббевской (1927 г.) // Новый филологический вестник. 2025. № 1(73). С. 315–323. DOI: 0.54770/20729316-2025-1-315
- Бакаева 2025б — Бакаева Э. П. Народные песни в записи Ц.-Д. Номинханова от большедербетовских калмыков // Новый филологический вестник. 2025. № 2(73). С. 366–376.
- Бакаева 2025в — Бакаева Э. П. Народные песни синьцзянских торгутов в записи Ц.-Д. Номинханова (1935 г.): специфика источника // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 1. С. 95–117. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-95-117

References

- Alekseeva P. E. The Storyteller Sanzha Manzhikov. In: Alekseeva P. E. Bogshrahinsky Aimag and Bogshrahins. Brief Historical Sketches. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 113–120. (In Russ.)
- Alekseeva P. E. Kutuzovs — Folk Enlighteners. In: Alekseeva P. E. About People and Time. Elista: KIH RAS, 2010. Pp. 61–64. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. The Way to Tibet: Religious Songs of the Kalmyks and the Realities of Travel. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2021. No. 3(33) Pp. 9–22. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. The Story of the Zaisangs of Jova-Dorji and Emgen-Ubashi in Kalmyk Folklore: Prototypes and Ethnographic Specifics of the Motif of Rivalry. *New Philological Bulletin*. 2022. No. 2(61). Pp. 346–366. (In Russ.). DOI: 10.54770/20729316-2022-2-346-366
- Bakaeva E. P. Kalmyks Folk Songs Recorded by Ts.-D. Nominkhanov among the Natives of Stanitsa Grabbevskaya (1927). *New Philological Bulletin*. 2025. No. 1(73). Pp. 315–323. (In Russ.). DOI: 0.54770/20729316-2025-1-315
- Bakaeva E. P. Kalmyk Folk Songs Recorded by Ts.-D. Nominkhanov among Bolshederbet Kalmyks. *New Philological Bulletin*. 2025. No. 2. Pp. 366–376. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Folk Songs of the Torguts of Xinjiang Recorded by Ts.-D. Nominkhanov (1935): Specifics of the Source. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. No. 1. Pp. 95–117. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-95-117

- Листопадов 1998 — *Листопадов А. М.* Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 года. Публикация В. К. Шивляновой // Из истории русской фольклористики. Вып. 4–5. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 541–560.
- Листопадов A.M. Kalmyk Songs Recorded in the Denisovo Village of the Salsky District in November 1902. V. Shivlyanova (publ.). In: From the History of Russian Folklore. No. 4–5. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1998. Pp. 541–560. (In Russ.)
- Позднеев 1897 — *Позднеев А. М.* Предисловие // Сказание о хождении в тибетскую страну Мало-дөрбётского База-бакши. СПб.: Фак. Вост. яз. Петерб. ун-та, 1897. С. I–XVIII.
- Pozdneev A. M. Preface. In: The Legend of Walking to the Tibetan Country of the Maloderbetovskyy Basa-Bakshi. St. Petersburg: Oriental Languages Faculty of St. Petersburg University, 1897. Pp. 1–18. (In Russ.)
- Сабрукова 2014 — *Сабрукова С. С.* Памятник буддийской архитектуры — Эркетеневский хурул (по материалам АВ ИВР РАН) // Письменные памятники Востока. 2014. № 1(20). С. 201–205.
- Sabrukova S. S. Monument of Buddhist Architecture — Erketenevsky Hurul (based on Materials of the Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS). *Written Monuments of the East*. 2013. No. 1(20). Pp. 201–205. (In Russ.)
- Төрскн назрин дуд 1989 — Төрскн назрин дуд (= Песни родной земли) / сост., предисл. Б. Б. Оконов Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 308 с.
- Songs of the Native Land. B. Okonov (comp., pref.) Elista: Kalmykia Book Publ., 1989. 308 p. (In Kalm.)
- Убушиева 2013 — *Убушиева Д. В.* Текстологический анализ трех вариантов калмыцкой народной песни «Шарашилин гүлзиге» / «[На] архара с золотистой горы» // *Oriental Studies*. 2013. Т. 6. № 4. С. 88–92.
- Ubushieva D. V. Textual Analysis of Three Variants of the Kalmyk Folk Song “Shara Shilin Gulzige” “Argali From the Golden Mountain”. *Oriental Studies*. 2013. Vol. 6. No. 4. Pp. 88–92. (In Russ.)
- Ульянов 1913 — *Ульянов Д.* Предсказание Будды о доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904–1905 гг. СПб.: Центральная типо-литография, 1913. 118 с.
- Ulyanov D. The Buddha’s Prediction about the House of Romanov and a Brief Outline of my Eravels to Tibet in 1904–1905. St. Petersburg: Tsentralnaya Tipo-litografiya, 1913. 118 p. (In Russ.)
- Ульянов 2014 — *Ульянов Д.* Предсказание Будды о доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904–1905 гг. // От Волги до Лхасы: Путешествие Дамбо Ульянова и Нарана Уланова в Тибет. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 27–148.
- Ulyanov D. The Buddha’s Prediction about the House of Romanov and a Brief Outline of my Travels to Tibet in 1904–1905. In: From the Volga to Lhasa: the Journey of Dambo Ulyanov and Naran Ulanov to Tibet. Elista: KIH RAS, 2014. Pp. 27–148. (In Russ.)
- Хальмг туульс 1968 — Хальмг туульс. 2-гч боть / записано от сказителя Санжи Манжикова А. Ц. Бембеевой; отв. ред. М. Э. Джимгиров. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1968. 266 х.
- Kalmyk Fairy Tales. Vol. 2. Notes from the Storyteller Sanzhi Manzhikov by A. Ts. Bembeeva; M. E. Dzhimgirov (ed.) Elista: Kalmykia Book Publ., 1968. 266 p. (In Kalm.)

- Цебииков 1991 — Сто калмыцких народных песен / предисл., вступ. ст. и коммент Л. И. Цебиикова. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.
- Шивлянова 2002 — Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 года. Публикация В. К. Шивляновой // Богшрахинский аймак и богшрахинцы / авт.-сост. П. Э. Алексеева. Элиста: Джангар, 2002. С. 213–237.
- Halén 1991 — *Halén H. Some Kalmuk notes by G. J. Ramstedt // Studia Orientalia. Vol. 67. Helsinki, 1991. Pp. 171–187.*
- Ramstedt 1962 — Ramstedt G. J. *Kalmükische Lieder: Bearbeitet und Herausgegeben von Sh. Balinov und P. Aalto // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Bd. 63. 1962. S. 1–127.*
- One Hundred Kalmyk Folk Songs. L. Tsebikov (preface, introd. article and comm.). Elista : Kalmykia Book Publ., 1991. 128 p. (In Russ.)
- Kalmyk Songs Recorded in the Denisovskaya Village of the Salsky District in November 1902. V. K. Shivlyanova (publ.). In: Bogshrahinsky Aimag and Bogshrahkhintsy. P. Alekseeva (comp.). Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 213–237. (In Russ.)
- Halén H. Some Kalmyk Notes by G. J. Ramstedt. *Studia Orientalia*. Vol. 67. Helsinki, 1991. Pp. 171–187. (In Eng.)
- Ramstedt G. J. *Kalmükische Lieder: Bearbeitet und Herausgegeben von Sh. Balinov und P. Aalto. Journal de la Societe Finno-Ougrienne*. Vol. 63. 1962. Pp. 1–127. (In Germ.)